

Я. А. Федоров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ДОПУЩЕНО МИНИСТЕРСТВОМ ВЫСШЕГО И СРЕД-
НЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР В КА-
ЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУ-
ЗОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
«ИСТОРИЯ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1983

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Подобная ситуация возникла и в странах, соседних с Кавказом, где «неолитическая революция» произошла раньше. Речь идет о Передней Азии, в частности, об Анатолии, где люди раньше перешли к производящему хозяйству, где уже в неолите возникли обширные очаги древней земледельческой культуры. Так было в Двуречье, в Палестине, в Малой Азии.

Выше мы рассмотрели пути, которые издревле вели из стран Передней Азии на Кавказский перешеек, в частности, черноморский путь, который обеспечивал традиционные связи Западной Анатолии с Причерноморьем. Этим путем в свое время первобытный человек проник из пределов Малой Азии на Западный Кавказ, в Центральную часть Северного Кавказа. Через много тысячелетий, уже в эпоху неолита,

этим путем воспользовались группы земледельческого населения Анатолии в поисках новых мест обитания; они прошли вдоль побережья Черного моря и расселились на северо-западном Кавказе среди аборигенов, неолитического населения Западной Грузии, Абхазии, Адыгеи. Частичная миграция малоазийских земледельцев в сторону Западного Кавказа подтверждается как археологическими открытиями (А. А. Формозов), так и наблюдениями антропологов (В. В. Бунак, М. Г. Абдушелишвили). Именно в эпоху неолита проникли на Западный Кавказ некоторые специфические переднеазиатские орудия земледелия — каменные мотыжки, двусторонние обработанные пластины, пластины с выделенной головкой. В то же время среди населения Западного Кавказа, включая Прикубанье, распространяется понтийский антропологический тип, к которому принадлежало и население Малой Азии. Вероятно тогда же на Западном Кавказе создались условия формирования абхазо-адыгской языковой общности: в западнокавказских языках и ныне наблюдаются сходства и в лексике, и в грамматическом строе с ныне мертвым языком малоазийских аборигенов — хаттов. Пережитком былой языковой общности в пределах южного и восточного Причерноморья являются реликтовые топонимы Западной Грузии, Абхазии, Северо-Западного Кавказа.

Там, где сейчас обитают картвельские народы (западные грузины, мегрелы, лазы), реликтовые топонимы как бы просвечивают сквозь сплошной пласт картвельской топонимики и могут быть сопоставлены с топонимами абхазо-адыгского происхождения. Абхазские элементы прослеживаются и в самих языках мегрелов и лазов. Все это говорит о том, что в прошлом, скорее всего уже в эпоху неолита, весь Западный Кавказ, включая прилегающие к нему с юга районы Малой Азии, составляли единый этнокультурный регион. Здесь обитали родственные племена, здесь говорили на диалектах абхазо-адыгско-хаттской группы языков (И. М. Дьяконов), развивались общие традиции материальной культуры. Так, в глубокой древности началось формирование этнического пласта носителей культур эпохи ранней бронзы Западного Кавказа. Процесс был сложным: Манычская водная преграда давно перестала существовать, и степи Предкавказья стали продолжением степных пространств Юго-Восточной Европы.

Теперь уже естественные преграды не мешали осуществлению разного рода связей аборигенов Кавказа со степным населением Волго-Донского междуречья, с племенами — носителями ямной культуры. Отражение этих связей можно обнаружить в материальной культуре Агубековского поселения эпохи позднего неолита вблизи Нальчика, в погребениях нижнего горизонта Нальчикского могильника эпохи ранней бронзы, наконец, в памятниках этапа майкопской культуры. В то же время майкопские древности несут отпечаток влияния культуры восточного Причерноморья и Малой Азии вплоть до ее западной части — Троя-II (А. А. Формозов). Двуприродность майкопской культуры надо считать доказанной (Р. М. Мунчаев, А. А. Формозов).

Об исконных связях майкопцев с Закавказьем и Передней Азией свидетельствуют не только аналогии их материальной культуры с материальной культурой некоторых памятников Анатолии и Восточного Причерноморья, но и непосредственно памятники майкопской материальной культуры раннего периода, обнаруженные в Абхазии. Однако уже в конце III тыс. до н. э. южные связи майкопцев начинают ослабевать. По-видимому, это было следствием начавшегося распада праабхазо-адыгской этнической общности. Этот процесс нашел отражение не только в материальной, но и в духовной культуре: языковеды отмечают, что к этому же периоду следует отнести начало дивергенции праабхазского и праадыгского языков. С этого времени начинается их самостоятельное развитие. Какие причины могли вызвать распад абхазо-адыгской этнокультурной общности и дивергенцию абхазо-адыгско-хаттских диалектов? На этот счет у исследователей нет единого мнения.

А. А. Формозов, например, считает, что связи Северо-Западного Кавказа с Закавказьем и странами Передней Азии определялись необходимостью заимствования некоторых достижений в области культуры и техники в эпоху освоения навыков земледелия и животноводства, а также металлургии меди. Когда же эти важнейшие завоевания культуры были освоены племенами Северного Кавказа, стимул сношений с отдельными районами сам собою отпал. Можно, однако, предложить другую гипотезу. Впервые она была высказана В. И. Марковиным, который полагает, что, по крайней мере, одну из причин расселения майкопских племен на восток следует усматривать в проникновении в Причерноморье и предгорья Северо-Западного Кавказа племен — носителей дольменной культуры. Они могли потеснить майкопские племена. Это ближе к истине: позднемайкопских памятников нет в ареале дольменной культуры. Что же касается Новосвободненских курганов, относящихся ко второму этапу развития майкопской культуры, то наличие в них своеобразных дольменов может свидетельствовать о каком-то периоде сосуществования на Западном Кавказе майкопцев с носителями дольменной культуры.

Если принять версию В. И. Марковина (а среди других гипотез она наиболее аргументирована), придется согласиться с тем, что дольменные и майкопские памятники составляют особые ареалы и принадлежат племенам различного круга. Видимо, эта обособленность еще раз подтверждает, что уже тогда, в конце III тыс. до н. э., произошло разделение праабхазских и праадыгских племен, а также и их языков. Вот почему предположение некоторых исследователей (В. И. Марковина, Е. П. Алексеевой, Л. И. Лаврова), что носители дольменной культуры принадлежали к племенам — предкам абхазов и адыгов, вряд ли правомерно. Установилось мнение, что майкопцы — далекие предки именно адыгов; в то же время дольменная культура тяготеет к современной Абхазии и сопредельным районам Северо-Западного Кавказа. Видимо, поселение носителей дольменной культуры среди местных племен Западного Причерноморья оказало влияние на их самостоятельное

развитие и укрепило связи со Средиземноморьем; в то же время племена майкопской культуры в своем развитии стали ориентироваться на степи Предкавказья и на предгорья Северного Кавказа. Об этом мы можем судить по интенсивному обмену между пастушескими племенами древнейшей историко-культурной области и племенами Северного Кавказа. Вслед за обменом наблюдается и прямое продвижение как степняков в пределы Кавказа, так и кавказских аборигенов в степи Предкавказья и даже Нижнего Дона. Об этом можно судить по зооморфным стелам, из которых была сооружена Нальчикская гробница майкопского времени: здесь стелы нашли свое вторичное применение, раньше они, очевидно, служили надгробиями. Известно, что зооморфные стелы связаны обычно с древнейшими похоронными обрядами. О продвижении степняков в сторону кавказских предгорий можно судить и по смешанному характеру погребального обряда некоторых майкопских памятников Чечено-Ингушетии. С другой стороны, и какие-то группы майкопцев проникали в степи Подонья. Об этом говорят древности Левенцовского поселения в низовьях Дона: нижний слой насыщен керамикой майкопского облика.

Уже на раннем этапе развития майкопской культуры ее носители продвинулись далеко на восток. Продвижение это отмечено рядом памятников майкопского облика в Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии. В землях современной Чечни, по-видимому, майкопцы были остановлены встречным движением племен куро-аракского ареала: самый восточный памятник майкопской культуры — Луговое поселение — отражает как майкопские, так и куро-аракские этнокультурные связи. Продвижение майкопских племен вдоль северных предгорий Кавказа подтверждается исследованиями антропологов. О связях со степняками свидетельствуют особенности адыгского языка: исследователи-лингвисты обнаружили типологические параллелизмы ранней адыгской и общиндоевропейской фонологических систем (Г. А. Климов). В связи с этим напомним, что среди степных племен Восточной Европы эпохи ранней бронзы (древнейшие племена) ученые видят далеких предков индоевропейцев¹. И еще одно наблюдение — оно может в какой-то мере объяснить встречу в Чечне двух потоков: с запада и востока. С запада вдоль северных склонов Кавказа продвигались, как уже говорилось, майкопцы, далекие предки адыгов, с востока, через Дагестан — куро-араксы, как

¹ Где прародина древних индоевропейцев, т. е. та первичная область, в которой они формировались еще в рамках этноязыковой общности — пока неизвестно, Я. А. Федоров в данной книге придерживается одной из гипотез, по которой предками индоевропейцев были неолитические племена Приазовья и Восточного Причерноморья. Некоторые современные исследователи считают Причерноморье лишь своеобразной «вторичной» прародиной индоевропейских языков (кельтских, германских, славянских, балтийских, иллирийских), хотя эти выводы нуждаются в дальнейшем лингвистическом обосновании. Без соответствующих памятников письменности трудно отождествлять какую-либо археологическую культуру с носителями индоевропейских языков.

увидим дальше, предки нахско-дагестанских народов. Может быть, этими давними контактами можно объяснить некоторые общие элементы в языках чеченском и адыгском?

Длительное взаимодействие майкопских племен с коренными жителями Северного Кавказа, потомками неолитического населения его предгорий, создателями ямной, потом катакомбной культур, послужило основой формирования новой этнокультурной общности, носителей так называемой северокавказской культуры. Ее расцвет относится к середине II тыс. до н. э. Исследователь этой культуры В. И. Марковин выделяет три ее варианта. Рассмотрим эти варианты, начиная с западного.

Западный вариант северокавказской культуры занимает степи Нижней Кубани, в предгорьях, с запада, граничит с ареалом дольменной культуры. Носители западного варианта северокавказской культуры подверглись сильному влиянию степных племен — носителей древнеямной, затем катакомбной культур. На позднем этапе развития северокавказской культуры ее западный вариант являл черты почти полного поглощения местного этноса пришлым. Можно предположить, что процесс, наблюдаемый археологами, отражал определенный этап этнической истории Северо-Западного Кавказа. Тут продолжает складываться этнический субстрат — основа адыгского этноса. Характерно, что именно на Северо-Западном Кавказе в наиболее ярко выраженном виде можно выделить понтийский антропологический тип. Он прослеживается на палеоантропологическом материале от современности до майкопского времени включительно. А это подтверждает генетическую связь современных адыгских народов с их далекими предками, носителями западного варианта северокавказской культуры, а через них — с майкопцами. Методом ретроспективного анализа мы можем проследить генетическую преемственность материальной культуры Северо-Западного Кавказа в течение бронзового века. Последний этап — ранний железный век — мы рассмотрим несколько позже, а сейчас обратимся к этнической истории Восточного Кавказа и Дагестана эпохи бронзы.